

УДК 821.511.1

С. Т. Аркеева

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ПРИРОДНОГО МИРА В ЭПОСЕ
М. АТАМАНОВА «ТАНГЫРА»**

В статье рассматривается природный мир в эпосе М. Атаманова «Тангыра», прослеживаются многообразные формы его проявления, раскрывается место и роль картин природы в произведении, выявляются факторы, обусловившие специфику художественного воплощения образа природы.

Ключевые слова: М. Атаманов, эпос «Тангыра», природный мир, культ природы, пейзаж, образ реки, образ леса.

Поэтический эпос «Тангыра» (2008) – феноменальное творение М. Г. Атаманова (Эграпи Гавир Микаль), выдающегося ученого и талантливое художника, поэта-гражданина.

Особенности «Тангыра» рассмотрены в ряде интересных статей, отзывов, рецензий [1]. Мы попытаемся осмыслить произведение сквозь призму природных образов и картин природы, являющихся неотъемлемой частью художественного мира, воссозданного автором.

Чем же обусловлена специфика их изображения и функционирования? В первую очередь – жанровой природой произведения, которое является литературным эпосом и воспроизводит мироощущение и уклад жизни людей, живших в отдаленные эпохи. С другой стороны, важна роль авторского видения природы, которое реализуется через образ повествователя, принадлежащего нашей современности.

В эпосе «Тангыра» природа в первую очередь присутствует как среда обитания и жизнедеятельности людей, как естественный ландшафт, обусловивший их образ жизни, тип хозяйствования, обычаи и др. Герои М. Атаманова признают первенство и первичность природы, культивируют ее господство. Обряды жертвоприношений, включенные в эпическое сказание, отражают их поклонение силам (духам) природы, благодарение за ее дары. Гармония природного мира рисуется как знак благоволения богов, услышавших мольбы людей:

*Нош йыр йылын зарни шунды ворекъя,
Уй кустын гудыръяса шунут зор ортчем бере,
Жалятэк дэлето шунытсэ кисьтэ-лэзе
Калмез музъем вылэ, вöсяськись калык вылэ.
Лудысь-вырысь кизем-пальккем ю-нянь,
Турын-куар но вож-вож жсужа, пушье ни,
Нюлэс кушъёсысь, шур дуръёсысь возь выльёсын
Турынэд кус кемозь жсутскем ни,
Шудо, шулдыр, шумпотон нунал!
Вöсяськись калыклэсь ваем вань курбонъёссэ,
Сюлмысьтызы куриськемзэс, тэльмыремзэс
Вылысь Инмар кабыл басьтiз уго! (С. 195).*

Снова над головой сияет солнце,
После теплого грозового дождя, прогремевшего ночью,
Щедро льет благодатное тепло
На землю калмезов, на молящихся людей.
Посеянный на полях хлеб,
Трава уже зеленым-зелена всходит, поднимается.
На полянах, на лугах вдоль рек
Трава уже поднялась по пояс,
Счастливый, радостный, хороший день!
Все жертвы молящегося народа,
Высказанные от сердца просьбы, мольбы
Высший Бог услышал-принял!

Верования людей, поклоняющихся природе, отражены в ряде эпизодов, в том числе в сцене гибели батыра Ватка и его четырех сыновей. Их превращение в лебедей отражает представление людей о том, что души умерших переселяются в птиц. Лебедь в этом случае, как и в микросюжете, связанном с Донды, выступает в качестве тотемного предка, прародителя рода.

*Асьмелэн эксэймы – тöдды юсь! Учке!
Мугорыз кулiз, нош лулыз – улэп!
Солэн тиосыз но – тöдды юсьпиос –
Асьмелы сюрес возьматiсьёс луизы! (С. 54).*

Наш предводитель (букв. царь) – белая лебедь! Смотрите!
Тело умерло, а душа – жива!
Его сыновья – белые лебедята –
Тоже стали нашими путеводителями.

Изображение героев в природных мерках (по принципу внешней природо-подобности) свидетельствует о не-выделенности людей из естественной среды, об их неразрывной слиянности с миром:

*Урал гурезь йылысь тöдды лымы кадъ
Пурьысьтай ни, кынары быре ни,*

*Төл шорын веттасъкись пересь
Кызыпу кадь куасалски ни,
Пересьмем-лябзём пужейлэн сямен,
Пыдьёсы азылане уг вамышто ни* (С. 14), – говорит о себе батыр Югра.

Как белый снег с Уральских гор,
Поседел уже я, уже слабею,
Как старая береза, качающаяся на ветру,
Уже согнулся,
Как у постаревшего-ослабевшего оленя,
Ноги вперед уже не шагают.

В данном случае обнажается прием самоотождествления героя с природой. Повествователь, характеризующий батыра Югру, тоже использует природные сравнения, неизменно связанные с родным для персонажа естественным ландшафтом: «был сильным как белый медведь с Ледовитого океана», «был храбрым, как орёл, как беркут с Уральских гор». Примеры подтверждают, что «между портретом и пейзажем как главными изобразительными единицами существуют ассоциативно-тематические связи» [2. С. 25].

В стилевой ткани героического эпоса «Тангыра» широко использованы зооморфные и орнитоморфные типы сравнений. К примеру, зооморфные образы живописно характеризуют поведение *поров*, выходцев с Югорской земли:

*Кый кадь гыж кытйсько, нюжтйсько – мыно,
Пинал пужей кадь бызё – ватйсько.
Мой гондыр кадь вылэ урдйсько,
Баян кадь лушкемен вылэ тэтчо,
Чтей кадь гылзо – уд но суты!* (С. 140).

Как змеи ползком ползут, волокутся – двигаются,
Как молодой олень, бегут – прячутся.
Как взрослый медведь, нападают-набрасываются,
Как рысь, незаметно прыгают сверху,
Как щука, ускользают – и не догонишь!

Особой экспрессией обладают зооморфные сравнения при изображении экспансии кочевых народов:

*Пось куазен вир юись чибиньёс кадь,
Урмем кион уллё музэн, кыр дуннеысь
Кыр калыкёс вуизы* (С. 112).

Как комары, пьющие кровь в жаркую погоду,
Как стадо бешеных волков, из степных миров
Явились степные народы.

Герои эпического сказания «Тангыра» обладают способностью «прочитывать» природные явления как знамения, символы, знаки каких-то грядущих трагических событий, таких как, например, падение городища-крепости Ваткакар под напором русских завоевателей.

*Жыт шунды берзэ учкыса пуксиз:
Инбам горд намер кадь луиз.
«Ишан-а өвёл-а та...» (С. 42–43).*

Вечером солнце село, (букв.) оглядываясь назад:
Небо стало как красная костяника.
«Не предзнаменование ли это беды...».

Здесь один из примеров «...соотнесенности, корреляции между миром, Вселенной, макрокосмом, и человеком, микрокосмом, характерной для мифологического и фольклорного мышления» [3. С. 113].

В эпическом сказании М. Атаманова природа в ипостаси астральных образов выступает как гарант вечности, стабильности, бесконечности жизни:

*... Озы арьёс бёрсы арьёс, вакытьёс-вапумъёс,
Сю арьёс, сюрс арьёс ортчо – ортчизы ни.
Куректон-кайгырон, синвуаськон дырьёс но вал,
Нош шундыен толзэь өз кысэ:
Йыр вылын зарни шунды пишитйз,
Пеймыт уйёсты азвесь толзэь югдытылйз... (С. 112).*

... Так год за годом, век за веком,
Сотни лет, тысячи лет проходят – уже прошли.
Были и времена бед-скорбей, слез,
Но солнце и луна не погасли:
Над головой светило золотое солнце,
Темные ночи освещал серебряный месяц...

М. Атаманов изображает те трагические страницы из истории финно-угорских этносов, когда их жизнь, протекающая посреди привычной природной среды, в ладу с природой, была нарушена великим переселением народов. Данная проблематика по-особенному актуализирует «природный» аспект лиро-эпического повествования.

Повествователь развертывает в эпосе многочисленные картины ожесточенной вражды-борьбы между разными народами, родовыми объединениями и этническими группами за природное пространство, за богатства природы:

*Чорыго шуръёс, тыос понна отын но, татын но
Вир кисьтыса жугиськыны өдъязы (С. 13).*

За реки, которые полны рыбы, за озера и тут, и там
Начали сражаться, проливая кровь.

Таким образом, обжитые и необжитые природные пространства изображаются в произведении как объект завоеваний. Природа в эпосе – это место, где пролегает путь людей, народов, согнанных со своих территорий. С одной стороны, она – надежный щит, спасающий людей, бегущих и скрывающихся от врагов:

*Кин вуэ пегзыны, ури-бери пегзе, ватйське
Сьод нюлэсьёс пушкы, гурезь йылъёсы,
Паськыт шуръёс, нюръёс-кудъёс сьёры (С. 12).*

Кто успевае, моментально убегае, прячече
В темные леса, на вершины гор,
За широкие реки, за болота.

С другой стороны, природные препятствия делают путь людей (народов) многотрудным, сложным, требующим колоссальных усилий.

Отдельно остановимся на полисемантической образе реки, которая в эпическом сказании «Тангыра» – одна из главных героинь повествования.

В первую очередь, река обеспечивает жизнедеятельность людей, поэтому поиски родины и ее обретение финно-угорскими племенами, как показывает автор героического сказания, всегда связано с рекой-кормилицей.

Течение реки использовано автором и для обозначения хода времени, что позволяет говорить о хронотопе реки.

*Трос нуналъёс, трос дасо, сю аръёс,
Трос вакытъёс-вапумъёс ортчизы ни,
Паськыт Ватка, чупрес Чупчи шуръёс кузя
Трос вуос бызизы ни, трос вуос кошкызы ни (С. 36).*

Много дней, много десятилетий, столетий,
Много веков уже прошло,
По широкой Вятке, по бойкой-живой Чепце
Много воды уже утекло, много воды уже ушло.

С одной стороны, река символизирует линейное время, с другой – циклическое, подчеркивая незыблемость, вечность жизни:

*Быдзым Кам кузя трос вуос кошкызы ни,
Нош ошмес синъёс уг куасьмо – дун ву потто.
Трос лымыё кезыт тольёс, шуньтэсь зоро,
Сяськаё гужемъёсын воштйськылйзы ни.
Пересьёс кулйзы ни, пинальёс вордскызы,
Одйг выжы мукетсэ воштйз ни... (С. 139).*

По великой Каме много воды уже ушло,
А родники не высыхают – дают чистую воду.
Много снежных холодных зим уже сменилось
Цветущим, теплым, дождливым летним временем.

Старики уже умерли, дети родились,
Одно поколение сменило другое...

Гимн реке Чупчи – один из самых ярких, эмоциональных фрагментов эпоса: лирический герой восхищается изобилием, первозданностью природы. Фрагмент начинается с вопроса о несравненной красоте края и утвердительного ответа. Далее идет развернутое описание, включающее в себя перечисления, создающие представление о неисчислимости богатств матушки-природы. Автор живописует картины мира, обильно используя изобразительно-выразительный ряд, состоящий из эпитетов, сравнений, метафор, щедро прибегая к эмоциональным восклицаниям, повторам и т. д.:

*Нош тйни, Чупчи шурлэн йоноесь эксэйёсыз,
Юг-юг тодьы юсьёс-чеберайёс, мумыен-айыен,
Веськырес мугорзэс выртытэк, тёлпо пыж кадь
Кузь чыртызэс урдыса, йоноос, асьсэды гажасьёс,
Шур уллане полысало, шур уллане гылё (С. 198).*

А вон там царственные особы реки Чупчи,
Белоснежные красавцы, лебедь да лебедушка,
Не шелохнувшись, выгнув длинные шеи,
Как парусные лодки, горделиво, с достоинством,
Вниз по реке гребут, вниз по реке скользят.

Автор не раз возвращается к описанию красоты чепецких окрестностей, в том числе представляя картины, увиденные глазами персонажа, Идны, так актуализируется эстетический взгляд древнего человека на окружающий мир:

*Кыче мусо, макем дуно та дор музьем!
Лымыен-а со шобырскемын, гордо, чужсо, лызо
Сяськаосын-а чеберскемын – котьку со чебер!
Кытысь шедьтод Чупчи улосысь кадь
Пойшуро, мушо, эмезё-мульё тэльёсты,
Чорыго, мыё-кудыро, тылобурдоё шурьёсты,
Удалтйсь ю-нянё бусыосты, турыно возьёсты? (С. 226).*

Как мила, как дорога родимая земля!
Укрыта ли она снегом, красными, желтыми, синими цветами ли
Расцвечена – она прекрасна всегда!
Где найдешь, кроме окрестностей Чупчи,
Леса, богатые зверями, пчелами, ягодами-орехами,
Реки, полные рыбы, зверья, птиц,
Поля, родящие щедрый урожай, и травянистые луга?

Единство ощущений лирического героя и персонажа раскрывается в строке, венчающей этот лирический монолог:

Нош кыҗе милям калыкмы? Лякыт, лачмыт сямоесь!.. (С. 226).

А какой народ у нас? Вежливый, спокойный, скромный!..

Слияние точек зрения говорит об особой близости героя к автору-повествователю. Тем не менее в большинстве случаев природа в поэме – объект созерцания и оценки повествователя и только в редких случаях – персонажей.

Наравне с рекой в эпическом сказании «Тангыра» воспевается лес. Одних он защищает, становится союзником для схоронившегося в лесу народа; для других (врагов) он становится непреодолимым препятствием:

*Нюлэсказ улйсь пйшуръёсын-сьёсьёсын но,
Тылобурдоосын но, нйзили-кузьылиосын но
Вераськыны кыл шедьтэ тэль калык.
Быдъым тэль – калмез калыклэн улон дорез,
Сюдйисез, утисез, шунтйисез-вордйисез* (С. 109).

И с лесными животными-зверями,
И с птицами, и с червями-муравьями
Находит общий язык лесной народ.
Великий лес – родной дом для народа калмез,
Кормилец, заступник, защитник.

Один из ведущих конфликтов в поэме развивается между лесным народом и степными кочевниками. Автор образно раскрывает его через столкновение леса и степи.

Соединение образов реки и леса отразилось в строчках, где поэтически характеризуются две родственные ветви удмуртского народа:

*Ватка-кам – ватка чужодйгъёсмы,
Тодьы Кам кузяын – калмез нюньыосмы.
Ваньмы – одйг пужымысь усем чыжинъёс,
Удам-пушьем, тэлезем удморт вайёс-выжыос* (С. 170).

Река Вятка – (там живут) наши родственники ватка,
По Белой Каме – родственники калмез.
Все мы – с одной сосны упавшие шишки,
Взошедшие, разросшиеся удмуртские родовые ветви.

Через «растительную» метафору выражено также единство родственных финно-угорских народов:

*Сыръян калык ватка, калмез улыосын-выжыосын
Одйг пужым выжыысь пушьем будос, шуо* (С. 25).

Говорят, зырянский народ с народами ватка и калмез
Из одного корня сосны взошедшее дерево.

В завершение отметим, что природные образы и пейзажные картины – это существенная часть авторской концепции, воплощенной в эпическом сказании «Тангыра», и мы, обозначив проблему, лишь прикоснулись к ней.

Несомненно, «природный» сюжет в эпосе «Тангыра», ассоциируясь «с теми или иными событиями истории, мифологией, традициями, образом жизни народа <...>», содержит в себе «историко-культурную коннотацию» [2. С. 82].

Характерно, что, следуя сознанию древнего человека, М. Атаманов рисует природу величественной, могущественной и одухотворенной; именно этим, к примеру, обусловлено использование приема панорамирования, что придает природному пространству объемность и масштабность.

Природа изображается не только как естественная среда жизнедеятельности людей, но прежде всего как арена противостояния и борьбы, яростных столкновений народов – за природное пространство, богатое жизненными ресурсами.

Одна из миссий повествователя состоит в том, что, создавая лирически окрашенные этюды и картины родных просторов, он ностальгирует по ушедшей красоте, гармонии, величию и самодостаточности Природы, по безвозвратно ушедшему «золотому веку».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ванюшев В. М.* «Тангыра» Михаила Атаманова как авторский вариант удмуртского эпоса // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1. 2011. С. 75–86; *Дмитриева Т. В., Шушакова Г. Н.* Эпос «Тангыра» как синтез фольклорно-авторского творчества // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия: Сб. статей и материалов... Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. С. 250–253; *Мосалева Г. В.* Свадебные мотивы в эпосе «Тангыра»: поэзия Быта и Бытия // Там же. С. 233–237; *Пантелеева Т. Г.* Удмурт калыклэн кузьмадэссэз, кыллы устолькез // Там же. С. 311–319; *Шкляев А. Г., Гришкина М. В.* «Тангыра»: новая версия удмуртского эпоса // Финно-угроведение. 2009. № 2. С. 97–101; *Шкляев А. Г.* Угорский след в героическом эпосе Михаила Атаманова «Тангыра» // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации: материалы IV Всерос. конф. финно-угроведов (17–20 нояб. 2009 г., Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2009. С. 221–223; *Шкляев А. Г.* «Тангыра» в контексте удмуртских эпических сказаний: параллели и отличия // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1. 2011. С. 87–92 и др.

2. *Иванова Н. Д.* Содержание и принципы филологического изучения пейзажа // Филологические науки. 1994. № 5–6. С. 76–83.

3. *Семенова С.* Человек и природа // Семенова С. Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 110–119.

Поступила в редакцию 12.11.2015

S. T. Arekeeva

Peculiarities of Describing Nature in the Epic Poem “*Tangyra*” by M. G. Atamanov

The article deals with the natural world in the epic “*Tangyra*” by M. Atamanov. Many forms of its manifestation are observed, the place and the role of depicting nature in the work are revealed, and the factors responsible for the specificity of the artistic presentation of the nature image are identified. It was revealed that ancient beliefs connected with the nature cult are reflected in the epic. Grand images of pristine nature correspond to the strength and greatness of the heroes. The feelings of the narrator-contemporary bowing to the greatness, beauty and richness of primary nature are undoubtedly evident in the work. One of the main ideas is the thought of initial blood relations of the people with their native land, its habitual landscape, the rivers, the woods; the tragic element of people’s enforced parting from their homeland is shown. The history with its drama pages accompanying ethnogenesis, resettlement of the Finno-Ugric peoples is developed in nature surroundings, where the interests of natives and conquerors face. Nature is depicted as a mute witness and as a living partner of the events and processes, and people are shown as its integral part.

Keywords: M. Atamanov, epic “*Tangyra*”, natural world, nature cult, landscape, image of the river, image of the wood, symbolics, space and time, epic storyteller.

Арекеева Светлана Тимофеевна,

кандидат педагогических наук, доцент,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: sveta.arekeeva@gmail.com

Arekeeva Svetlana Timofeevna,

Candidate of Sciences (Pedagogy), Assistant Professor,

Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1

E-mail: sveta.arekeeva@gmail.com